

МАРИЯ ЛИТОШКО

ИСПОВЕДЬ ПАДШЕГО

Роман

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2019

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44
Л64

Литошко, М. А.

Л64 Исповедь падшего : роман / Мария Литошко. — Минск : Четыре четверти, 2019. — 208 с.

ISBN 978-985-581-242-6.

Основные события романа разворачиваются в начале XX века в Америке. Лишенный материнской ласки, Мартин рос в атмосфере жестокости и страха перед отцом. Обретя свободу, семнадцатилетний юноша стремится получить все и сразу, совершая во имя этого самые отчаянные поступки.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-242-6

© Литошко М. А., 2019
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2019

Дорогим маме, папе и брату

ПРОЛОГ

Сколько бы столетий ни сменяли друг друга, на протяжении всей жизни люди неустанно ищут лишь одно – счастье. И зачастую это что-то великое, необыкновенное, почти недоступное и оттого еще более желанное. Однако есть нечто, без чего счастье, каким бы оно ни было, потеряет всякий смысл и никогда не станет совершенным...

К сожалению, я понял все слишком поздно.

Я стоял у стены и отчаянно пытался всмотреться в крошечное окно, находившееся почти у самого потолка, куда едва проникал свет. Ничего не было видно, кроме маленького кусочка неба, но я смотрел и видел намного больше: улицы, дома и здания; машины, сменившие конные экипажи; витрины магазинов; людей, детей – их улыбки и доверчивые взгляды; поля, луга, леса, парки, реки, берег океана – все, чего я лишился навсегда. Холодный пол, каменные мрачные стены и железная неприступная дверь – моя новая обитель. Теперь я узник, тюремная камера – мой дом, пристанище грешника, молитвы которого уже никем не будут услышаны. Я мог бы кричать, колотить в дверь, взывать к милосердию кого бы то ни было, произнося слова о моей, якобы, невинности. Но я молчал. Внутри меня воцарилось давно забытое смирение. Я знал, в чем виноват и что за содеянное ожидает.

Все двадцать девять лет существования я пребывал в уверенности, что знаю о жизни все. Однако только оказавшись здесь, в комнате, которую всякий разумный человек страшится сильнее смерти, я понял: даже самая большая проблема, огорчение или неудача там, за пределами каменных стен, просто ничтожны в сравнении с этим ледящим душу местом. Здесь нет права голоса и действий. На мгновение мне показалось, будто мои руки и ноги связаны, и я не могу открыть дверь и выйти наружу. Мука безысходности. Это худшая пытка на свете! Из моей головы исчезли даже мысли. Свобода оказалась самой драгоценной вещью на земле, но я, будто слепой невежда, обменял бриллиант на обычный придорожный камень. И теперь мне оставалось только одно: ждать конца, ждать избавления.

...За дверью послышались приближающиеся шаги, такие уверенные и громкие.

«Очевидно, охранник...» – подумал я. И не ошибся. Шаги стихли около моей камеры, и раздался звон ключей.

– К тебе гость, – тяжелым и низким голосом произнес охранник, впустив внутрь невысокого пожилого священника.

Я не хотел ни с кем говорить и, уж тем более, кого-то слушать. Но охранник так быстро запер дверь, что я даже не успел сказать об этом вслух.

– Зачем Вы пришли? – слегка раздраженно спросил я.

– Чтобы помочь тебе, сын мой.

Я безнадежно усмехнулся.

– Неужели? Поможете мне выйти отсюда? Избавите от оков?

– Нет, в этом я бессилён. Но я могу помочь тебе освободиться от грехов, что терзают твою душу. Пока еще не поздно. Расскажи мне о своей жизни, Мартин!

Я перестал бродить вдоль стены и на мгновение замер, углубившись в воспоминания. Человек в темных, почти черных одеждах навел на меня необъяснимое разумом спокойствие, которое передавалось через его глаза. «Возможно, это послед-

ний человек в этой жизни, с коим мне осталось поговорить, – предположил я. – На том свете мне предоставят бесконечное количество часов, чтобы отдохнуть от общения».

– Вы правда хотите знать?

Святой отец молча дал ответ взглядом и опустил на край кушетки – жалкое подобие кровати. Впрочем, теперь и я сам выглядел не менее жалким. Я заглянул вглубь своих мыслей, далеко в прошлое. Память все еще хранила все события, каждую мелочь былых дней. Она мой личный дневник, который я впервые в жизни решился «зачитать» совершенно постороннему человеку и своему последнему слушателю...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая ДЕТСТВО

Меня зовут Мартин Моррэс. Теперь это имя известно многим, но когда-то его знало лишь меньшинство. Родился я в 1901 году в Чикаго и до сих пор не понимаю, почему мне нравится этот город, ведь было множество причин признать обратное. Наверное, это было вложено в меня в момент рождения. Ненавижу этот день! Моя мать умерла, дав мне жизнь, а я так и не увидел ее глаз. Единственным моим наставником стал отец, Френсис Моррэс: суровый, тщеславный, эгоистичный. Он был человеком самых строгих правил: адвокат, блюститель закона. Эта профессия была единственным смыслом его жизни. Он оставался адвокатом всегда и везде, даже тогда, когда говорил со мной, когда мы ужинали, когда мне нужен был отец, просто друг, а не бесчувственный представитель закона. Высокий и слегка худощавый, с тяжелыми, грубыми чертами лица, он никогда не улыбался. В момент, когда он становился недоволен мной или зол, а это случалось очень часто, отец называл меня малолетним преступником и, вдобавок ко всему сказанному, настойчиво винил меня в смерти матери.

С самой ранней поры моего детства целыми днями мы говорили только об одном – правилах жизни и страны: мораль, этикет и законы, законы... Их бесчисленное множество преследовало меня неотступно. Один день – новый закон, и никаких исключений!

– Ну что, Мартин, ты готов отвечать? – спрашивал каждое утро отец.

Небольшая табуретка, а напротив – высокий стул. Никакой воды и завтрака. Порой, я не спал до рассвета, заучивая очередную букву закона, слово в слово, иначе экзамен не будет зачтен. Каждый день ровно в восемь утра в гостиной меня ждал отец, а также табуретка, на которую я должен был встать, словно на пьедестал, и торжественно, громко, а главное – четко и без единой запинки огласить новый заученный закон либо предписание из кодекса. Но помимо законов страны и граждан мне надлежало знать правила нашего дома. Они были прописаны крупным шрифтом на большом листе бумаге, напоминающем афишу или плакат, который висел на стене в моей комнате прямо напротив кровати. Так было задумано специально, чтобы я мог видеть его, отходя ко сну и просыпаясь на рассвете.

Совершив оплошность, пусть даже невольную ошибку, я должен был сам сказать, что именно меня за это ждет. Наказания бывали разными: заточение в комнате на весь день; запрет на завтрак, обед или ужин; три часа в углу; неделю без мяса или без сладостей... Запреты, запреты... и, наконец, порка. Каждое из наказаний я знал наизусть, каждое из них мне довелось ощутить на себе многократно.

Все слуги в доме, включая мою няню Бетти, остерегались сурового нрава отца, а потому держали языки за зубами. Но порой Бетти все же переступала через свой страх и, когда я оставался без еды на целые сутки, тайком приносила мне молоко и пирог.

В нашем доме не бывало гостей, совсем никогда. Никаких улыбок и смеха, задорных игр и веселья. К нам никто не приходил, как будто мы были одни в этом огромной городе. Мне именно так и казалось. Отец сделал все, чтобы оградить себя и меня от чьей-либо дружбы. Соседи сторонились нас и со страхом обходили наш дом, словно он был пристанищем демонов. Миссис Филипс, женщина, проживающая в доме напротив, косо и настороженно смотрела на моего отца всякий раз, когда им доводилось сталкиваться. На меня же она глядела иначе:

ее глаза выражали жалость и одновременно беспомощность. Так же на нас смотрели и остальные.

О нас знали абсолютно все. Это становилось ясно без слов. Лица соседей говорили сами за себя, когда мы встречались с ними взглядами, пусть и нечасто. Они знали, каким психом и тираном является мой отец, и насколько несчастен я, будучи его единственным сыном. Но тогда, в детстве, я не знал, что я несчастен. Наблюдая за своей жизнью, как будто со стороны, я полагал, что так и должно быть. Мне была неведома другая жизнь. Я жил в «клетке». У меня словно были завязаны глаза, и я даже не понимал этого.

Когда отец отдал меня в школу, я, наконец, смог увидеть больше. Здесь тоже были правила и довольно жесткие: вести себя надлежало крайне прилежно. Однако эти несколько часов в день, лишавшие меня отцовского взора, в коем не читалось ни капли любви, а лишь только нестигаемая строгость и безграничное желание сделать меня таким же, каким является он, стали приятным разнообразием.

По правилам здесь запрещалось шуметь, громко разговаривать и прочие запреты, требующие полной дисциплины. Но, по крайней мере, в этой школе я чувствовал себя намного лучше, нежели дома. Мне совсем не хотелось возвращаться, ведь я понимал, что меня там ожидает...

Учился я лучше всех. А как же иначе? К этому было приложено все мое усердие и немалое количество отцовских подзатыльников. Он создавал из меня себя, день за днем уничтожая мою собственную личность.

Проходили год за годом... Все его наказания, порка, унижительные фразы, бесчисленное множество правил и запретов вросли в меня корнями, опутав душу и сознание. Я становился старше, и, видя во мне четкое отражение своих «бесценных» трудов, отец испытывал гордость, в то время как я ощущал ненависть, которую подавлял детский страх.

Глава вторая

ЮНОСТЬ

Достигнув шестнадцати лет, мне довелось осознать нечто очень важное. Я не знал: что я люблю, что мне нравится, и чего я хочу. Мне было известно, что можно, а что нельзя, я знал все законы страны наизусть, мог предвидеть всякое действие отца, знал, что в нашем доме положено есть на завтрак только овсянку, а ужин – ровно в семь, и, опоздай я хоть на минуту, мне не позволят взять со стола даже хлеб... Но я не знал самого себя! Что такое мечты, что значит любить кого-то и что такое счастье. Вполне вероятно, я прожил бы еще десяток лет, так и не задумавшись над этим, если бы не одна случайная находка...

Однажды ночью, в очередной раз оставшись без ужина, я тайком пробрался в кухню, желая стащить хоть что-нибудь съедобное, но нашел кое-что еще, кроме еды: это была книга, а точнее роман. Я с уверенностью предположил, что здесь его забыла кухарка, ведь со смерти матери в этом доме никогда не появлялось ни одной художественной книги. Таков был приказ отца. Только научная литература, справочники и собрания по истории. Мне не дозволялось читать книги, в которые были вложены чувства и эмоции. За все шестнадцать лет я впервые нарушил строжайший пункт отцовских правил.

Мною руководил интерес. Роман Чарльза Диккенса я прочел взахлеб всего за две ночи. И с той самой секунды, дочитав последнюю страницу, я как будто ожил. Я узнал многое, о чем раньше не слышал, и вместе с героями прочувствовал все то, чего никогда не ощущал. Это была жизнь! Иногда пропитанная

болью и слезами, но все же она была настоящей, живой и очень сильно отличалась от моей.

Две бессонные ночи оставили на моем лице нежелательный след усталости, но зато внутри себя я ощущал небывалое вдохновение, а мысли кружили в озадаченном вихре, побуждая задуматься над смыслом собственной жизни.

– Где ты находишься? – спросил за завтраком отец, пристально всматриваясь в мои рассеянные глаза.

Это я заметил не сразу, так как услышал вопрос лишь со второй его попытки.

– Что? – мы встретились взглядами. – Прости, отец, я не слышал.

Он отложил столовые приборы.

– Мартин, что с твоим лицом?

Отец уставился на меня еще более пронзительно, словно пытаясь проникнуть в мою голову и прочесть каждую обитающую там мысль.

– Ты похож на ожившего мертвеца, и эти круги под глазами...

– Я сегодня плохо спал.

– Хм... и вчера, полагаю, тоже? – загадочно произнес он и, взяв в руку ложку, принялся медленно помешивать в тарелке кашу, по-прежнему не отводя от меня взгляд.

Я сжался, словно парализованный.

– Вчера вечером звонил твой учитель по химии. Он поведал мне о вещах, совершенно недопустимых для лучшего ученика школы, – его голос с каждой секундой становился все более озлобленным. – Ты был невнимателен, не слушал, не записывал, а что касается домашнего задания, ты его не подготовил!

Отец резко ударил кулаком по столу, да так, что загремела посуда, и я мысленно приготовился к тому, что следующий удар придется принять мне.

– Это выпускной класс! – с криком продолжил он. – Для поступления в юридический колледж твои отметки должны быть

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО</i>	6
<i>ГЛАВА ВТОРАЯ. ЮНОСТЬ</i>	9
<i>ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОЗРЕНИЕ</i>	14
<i>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПЕРВЫЙ ДРУГ</i>	21
<i>ГЛАВА ПЯТАЯ. СВОБОДОМЫСЛИЕ</i>	27
<i>ГЛАВА ШЕСТАЯ. БУНТ И ПОБЕГ</i>	34
<i>ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ИЛЛЮЗИЯ НЕВИНОВНОСТИ</i>	46

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>ГЛАВА ПЕРВАЯ. НОВАЯ ЖИЗНЬ</i>	52
<i>ГЛАВА ВТОРАЯ. БЕЗУМНЫЕ ДНИ</i>	55
<i>ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ</i>	60
<i>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ДЕЛО</i>	66
<i>ГЛАВА ПЯТАЯ. ПАРТНЕРЫ</i>	71
<i>ГЛАВА ШЕСТАЯ. ДОЛГОЖДАННЫЙ ТРИУМФ</i>	78

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>ГЛАВА ПЕРВАЯ.</i> Между желаниями и разумом	84
<i>ГЛАВА ВТОРАЯ.</i> Возвращение	98
<i>ГЛАВА ТРЕТЬЯ.</i> Молли	102
<i>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.</i> В ожидании знакомства	109
<i>ГЛАВА ПЯТАЯ.</i> Великолепная четверка	121
<i>ГЛАВА ШЕСТАЯ.</i> Разочарование	129
<i>ГЛАВА СЕДЬМАЯ.</i> Боль	140
<i>ГЛАВА ВОСЬМАЯ.</i> Гнев	143
<i>ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.</i> Темная сторона	157
<i>ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.</i> Безумие	166

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

<i>ГЛАВА ПЕРВАЯ.</i> Страх	179
<i>ГЛАВА ВТОРАЯ.</i> Одиночество	182
<i>ГЛАВА ТРЕТЬЯ.</i> Оставшаяся жизнь	186
<i>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.</i> Расплата	191
<i>ЭПИЛОГ</i>	202